

"Вот," - сказал Ашер спустя вечность, протягивая ей чашку с кофе. Она приняла его с усталой улыбкой и отпила, а затем закашлялась от солидной порции виски, которую он влил в чашку. Она смогла не забрызгать его, затем сделала еще один, более глубокий глоток и откинулась на спинку кресла.

"Боже, как мне жаль," - сказал он, садясь в кресло напротив. "Мне так жаль, Элоиза."

"Ты ничего не мог бы сделать." Ее голос был хриплым от плача, но она твердо покачала головой. "Никто ничего не мог сделать. Кроме, может быть, тех ублюдков, которые не должны допускать подобного."

"Как тебе удалось вернуться на Двухсотый?" - спросил он тоном человека, пытающегося справиться со своим шоком и болью, и указал на пятна крови.

"Ты думаешь, кто-то хотел приблизиться ко мне, выглядевшей так?" В ее резкой усмешке было очень мало юмора. "Я прошла через Террасы, и никто не сказал ни слова. Затем заскочила в лифт и направилась прямо сюда. Я сомневаюсь, что полиция шахты вообще будет беспокоиться о снимках с камер наблюдения, если камеры вообще заметят это. У комиссара Джуно могут возникнуть вопросы, но я не жду никаких проблем от него или Аристида. Они... они действительно любили Стель, ты знаешь."

Ее голос задрожал, упав почти до шепота на последнем предложении, и она сделала еще один быстрый глоток кофе с виски.

"Боже, Элоиза." Он покачал головой, его глаза потемнели от собственного горя. "Что ты собираешься делать? Как я могу помочь тебе?"

"Ты очень можешь помочь мне, Кев." Она посмотрела ему в глаза. "Ты уже очень помог. Без этого вибролезвия я бы уже был мертв вместо них. Но мне нужно, чтобы ты сделал для меня еще кое-что."

"Все, что угодно," - твердо сказал он ей. "Назови это."

"Возможно, тебе не захочется торопиться с этим," - предупредила она его.

"Назови это," - повторил он тем же непоколебимым голосом, и она глубоко вздохнула, держа чашку с кофе обеими руками и глядя на него поверх нее.

"Несколько недель назад я читала биографию Мишель Перикар," - сказала она. "Это заставило Стель нервничать, но мне ее много лет назад порекомендовала моя мама. Она у меня в столе, если хочешь ее прочесть. Думаю, тебе понравится. И в приложениях к ней есть кое-что интересное. Включая весь текст так называемой Декларации Независимости."

"Это возможно, не так ли?" Он откинулся на спинку кресла, его глаза сузились, понимая, что кажущаяся нелогичность не была таковой.

"Это возможно." Она кивнула. "С тех пор я много об этом думаю. Ты когда-нибудь читал ее?"

"Никогда даже не слышал о ней," - признал он.

"Тогда тебе действительно нужно ее прочитать," - сказала она. "Все это, конечно, чепуха. Любой Законодатель сказал бы тебе это. В нем говорится о согласии управляемых, об неотъемлемых правах, таких как право на жизнь и свободу, и о стремлении к счастью. И

говорится, что, когда правительство отбирает эти права, когда оно управляет без согласия тех, кем управляет, то право - право, Кевин, которое исходит от Бога, а не какая-то привилегия, которой правительство может лишиться по прихоти, - людей сменить это правительство. Люди, писавшие эту Декларацию, положили начало революции более трех тысяч лет назад, той, которую Мишель Перикар принесла сюда, прямо сюда, в Новый Париж. И ублюдки, написавшие "Конституцию", которую мы сегодня имеем, отняли у нас все права до единого, отняли их, Кевин, и никогда не вернут их. Никогда!"

В ее глазах блеснули слезы, а голос дрожал от страсти.

"Моя сестра умерла, потому что Республика Мишель Перикар умерла еще до ее рождения. У Стель никогда не было шанса, как и у тебя и меня, узнать, что такое Республика Хевен - Республика Хевен, а не Народная Республика Хевен. И я никогда не пыталась что-то сделать с этим для нее, потому что боялась того, что с ней случится, если я попытаюсь."

"Но это не спасло ее в конце концов, не так ли?" Она не рыдала, как раньше, но по ее щекам текли слезы горя и утраты. "Я никогда не восставала, никогда не пыталась что-то изменить не только для Стель, но и для всех остальных Эстель, всех остальных сестер и дочерей, братьев и сыновей. Но люди, написавшие эту Декларацию... они восстали. Они боролись. В конце концов они победили, но они не знали, что победят - даже что они могут победить - когда писали это. Все, что они знали - все, что они знали, Кевин - было тем, что каждый из них поклялся народу, который они помогали создавать, будущему, Богу и друг другу: "нашей жизнью, нашей судьбой и нашей священной честью". Вот что они положили на стол: все, что у них было. А теперь... теперь, может быть, пора и мне сделать это."

Она еще раз глубоко вздохнула, ее губы дрожали.

"Я никогда не спрашивала тебя об этом, но я всегда знала, Кевин. Я знала, что ты чертовски больше, чем просто бывший морпех, занимающийся дзюдо. Я не собираюсь просить тебя назвать имена, но я тоже хочу бороться вместе с тобой." Они долгое время молчали. Затем...

"Ты уверена в этом?" - мягко спросил он ее, даже не делая вид, что понял ее неправильно. "Думаю, я действительно хочу прочитать эту декларацию, потому что похоже, что люди, которые ее написали, действительно знали, что делают. Но ты уверена в том, что делаешь? То, что ты сделала сегодня, ты сделала, по крайней мере частично, для самообороны, а также мести. Личной, раскаленной добела, ненавидящей мести, Элоиза. Я ни на мгновение не осуждаю тебя за это," - продолжил он, когда она начала напрягаться. "Бог знает, если бы я мог добраться до ублюдков, убивших Эстель, я бы поступил еще хуже, чем ты. Они бы умирали намного дольше, Элоиза."

"Но я о том, что... люди, к которым ты хочешь присоединиться, не действуют, раскаленные добела." Он серьезно посмотрел в ее глаза. "О, некоторые из них действуют. Некоторые из них всегда раскалены добела, хотя я стараюсь держаться так далеко от таких людей, как могу, но все мы так же вдохновлены гневом, как и принципами. Когда доходит до того, что кто-то умирает - если мы все делаем правильно - это холодное, рассчитанное убийство. Может быть, ненависть помогает нам вынести это, но это холодная ненависть, Элоиза. Она холодная и горькая, и это своего рода яд, и со временем он... оставляет след. Ты уверена, что действительно хочешь добавить это к тому, что уже носишь в себе после сегодняшнего дня?"

"Да," - мягко сказала она. "Я не смогла спасти Эстель. Я знаю это. Но я все еще могу дать ей кое-что. Я могу вернуть Республику Хевен от ее имени и имени всех убитых. Я могу вбить кол в сердце чудовища, и каждый раз, когда я забью этот кол немного глубже, я буду вспоминать

Эстель, я буду помнить свою сестру и уничтожать Народную Республику."

"У меня нет другой судьбы, Кевин. И я не знаю, сколько мне осталось жизни. Прямо в эту минуту я не чувствую, что это много или важно. Но она у меня все еще есть. У меня есть право выбрать, право сказать, где это все заканчивается, право сражаться - и право на смерть, если это нужно - за то, что, по-моему, правильно. И это именно то, что я собираюсь делать."

"Если ты не против, Элоиза," - сказал он с улыбкой, " - я бы хотел, чтобы мы оба избегали части про смерть. Ничего нельзя восстановить, если нас не будет, когда начнется восстановление, не так ли?"

"Нет. И я не говорила, что хочу умереть. Но если это то, что нужно?" Ее глаза впились в него, и ее голос был тихим. "Если это то, что нужно, то пусть будет так."

"Хорошо," - сказал он, помолчав. "Хорошо. Что ты сказала после жизней и судеб?"

"Честь. Наша священная честь," - повторила она, и он кивнул.

"Итак, наша священная честь," - повторил он. "Твоя и моя, Элоиза. Сколько бы времени на это ни потребовалось."

Он протянул руку.

Она взяла ее.

<http://tl.rulate.ru/book/57899/1479617>